

Валерий МУРЗАКОВ

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА

Я смотрю на семейную фотографию Владимира Степановича Новосельцева, сделанную на фоне раскидистого зелёного куста то ли сирени, то ли черёмухи, – задний план темноватый, разобрать трудно, зато всё семейство получилось чётко. Хорошие светлые лица. Отец в центре, могучий красивый человек с уверенным спокойным взглядом. По бокам два сына, почти ровесники. Младшего отец держит под руку, он слева. Это Володя. Старший, Геннадий, – справа. Он в солдатской форме, с лычками сержанта на погонах.

По-видимому, приехал в краткосрочный отпуск. Мать стоит тесно к нему и смотрит в объектив фотоаппарата. Она не улыбается, но радость и гордость читается в каждой чёрточке её лица, она счастлива, что у неё такой муж, такие сыновья!

Глядя на эту незатейливую фотографию, хочется сказать, что это портрет эпохи. Я пишу это не для красивых слов. Фотография сделана летом 1957 года. В этом году я закончил школу и собирался вступить во взрослую жизнь. Я отлично помню до сих пор, какие чувства я тогда испытывал. Их было много, но главным, пожалуй, была уверенность в завтрашнем дне.

Именно она читалась на лицах семьи Новосельцевых. Я думаю, что с этим чувством жили тогда многие советские люди. И уверенность эта родилась не на пустом месте, она была выстрадана, заработана

беспримерным трудом и ратными подвигами.

Очень точно сказал об этом наш земляк, депутат Государственной Думы России С. Н. Бабурин: «Пройдут годы, сменятся поколения, и потомкам нашим уже трудно будет понять, что такое был Советский Союз. Его масштабность и значение для развития человечества будут сводить то к революционному насилию Троцкого или террору Сталина, то к старческому периоду Брежнева или бессилию ГКЧП.

А Советский Союз – это великая держава... Понять Советский Союз можно только поняв его людей».

«Рыцари великого хапка» не только развалили и разграбили дом, в котором родились и жили, обездолили его бескорыстных тружеников, но вот уже почти двадцать лет беззастенчиво и безнаказанно плюют им в душу. Надеяться на то, что исковерканную душу можно исправить прибавкой к пенсии голодным пенсионерам, это всё равно, что отравленное самогоном, вымирающее крестьянство начать лечить дешевым спиртом, выгнанным из модифицированной картошки по самым передовым зарубежным технологиям.

Парадокс, но иногда кажется кошунством фальшивая забота властей об увеличении рождаемости. Есть ли гарантии, что родившиеся в срочном порядке дети не пополнят миллионную армию беспризорни-

ков? Не ждёт ли такая же судьба детей, рекрутированных властью для придания благообразного вида демографическим проблемам? Особенно это касается первенцев, ведь рождаются они, как правило, в молодых неокрепших, а то и неполных семьях... Демографическая ситуация, может быть, и улучшится, но то, что при этом увеличится число беспризорников, можно прогнозировать почти наверняка. Как и то, что те из них, кто не вымерет до достижения совершеннолетия, скорее всего, станут бомжами. А на них, как известно, не распространяется даже закон о защите животных.

Удивительно, что Госдума ещё ни разу не обсуждала законопроект об этих, как бы это политкорректней выразиться, недобрах...

Такие вот мысли пришли ко мне во время расшифровки магнитофонных записей беседы с Владимиром Степановичем Новосельцевым.

Жизнь этого незаурядного человека столько же удивительна, сколько и типична для людей его поколения. Вот тут и вспомнилось почему-то о миллионах рано ушедших из жизни, потерявших или не обретших в ней смысла, ставших лишними у себя на родине, брошенных собственным государством. Это, вне всякого сомнения, была часть нашего народа, обладавшая самым низким болевым порогом, та, без которой народ неполный. Были, конечно, и те, кто от безысходности уходил в беспробудное пьянство, как старообрядцы уходили в глухие дебри.

Безусловно, это был протест, но движимый, к сожалению, скорее инстинктом, чем разумом. Большая же часть народа выживает вопреки всему, благодаря генетическому оптимизму и вере, которая также по наследству досталась ей от отцов. Причём не только выживает, но и сохраняет при этом чувство гордости и собственного достоинства. Я пишу об этих людях потому, что большинство из них выросло из рабоче-крестьянского корня. И независимо от того, остались ли они работать на крестьянском поле, у станка, за конструкторским кульманом, в научной лаборатории, поднялись ли благодаря своим способностям на верхние ступеньки социальной лестницы, они остаются верными идеям социальной справедливости и ни в какой самой красивой идеологической обёртке не принимают зоологических принципов нового порядка.

К таким людям я отношу Владимира Степановича Новосельцева. Он родился в глухой сибирской деревне Большепесчанка. Как он пишет в своей книге «На переломе эпох. Записки дипломата» (М. 2005), Большепесчанка находилась в 120 верстах от Тюкалинска, в 200 верстах от Омска, в 80 верстах от Исилькуля, где в конце девятнадцатого века проходила железная дорога. Отец его, Степан Иванович – уроженец села Покровки, от их деревни до деревни отца было всего 10 вёрст. Воспитывался отец в многодетной семье. Он был старшим, а младше него было двое братьев и пять сестёр. Дед Владимира Степановича, Иван Степанович, помимо обычного крестьянского труда промышлял скорнячеством. Жили бедно, можно сказать в нищете, поэтому отец Владимира Степановича начал свой трудовой путь рано, в 14 лет нанялся батраком к богатым казакам. Любопытно, что, как пишет Владимир Степанович, его отец не только не испытывал к своим хозяевам этнической неприязни, а напротив, всегда уважительно относился к быту и нравам соседнего народа.

Вся дальнейшая трудовая биография его отца была связана с техникой. Он работал молотобойцем на Уралмаше, трактористом и механиком Называевской МТС. Три года служил в армии на Дальнем Востоке, был командиром танка. На фронте воевал в танковых частях. Закончил службу в должности командира роты.

Владимир Степанович отличный рассказчик, особенно если речь идёт о близких людях, родных ли, друзьях, учителях или наставниках. Этой симпатичной человеческой чертой, к сожалению нами почти утраченной, обязан он деревенской этике, впитанной им с раннего детства.

В деревне положено здороваться со знакомыми и незнакомыми, в письмах посылать приветы родственникам до десятого колена, а по возможности и соседям. А если земляк или родственник достойный человек и достиг определённых успехов на службе ли, в профессии или как-то по-другому проявил свои таланты, то об этом должны узнать не только односельчане, но и по возможности как можно больше людей. Состоявшийся человек – это гордость для родственников и земляков, это духовная ценность, к которой каждый может чувствовать свою сопричастность.

Таковыми людьми Владимир Степанович был окружен с самого детства. Благодаря им сформировался его характер, опреде-

лились духовные ценности, и говорит он о них с большей охотой, чем о себе. Рассказывая об отце, он вдруг, словно спохватившись, начинает говорить о своём дяде, Григории Ивановиче, который также был танкистом. Сражался под Ржевом, получил в 1941 году за храбрость два ордена Красного Знамени, служил в нашей группе войск в Тегеране. После войны дядя много лет работал агрономом, потом – научным сотрудником СибНИИСХоза.

Об отце Владимир Степанович вспоминал с особой гордостью. Отец обладал огромной физической силой и отменным здоровьем. В молодости мог поднять передок колёсного трактора, в сорок пять лет на спор мог 5 – 10 минут при 40-градусном морозе кататься нагишом в снегу, а потом просто растереться полотенцем. Характер у отца был крутой, но не злопамятный. Он всегда оставался заботливым семьянином. При своей кажущейся строгости был человеком тонким и впечатлительным. Владимир Степанович рассказал один случай. Рассказ был настолько поэтическим и увлекательным и так точно характеризовал отца и сына, что я решил его повторить, сохраняя язык и стиль рассказчика.

«Помню, однажды рано утром, ещё в темноте, мы, пробираясь через берёзовые кусты, вышли на поляну. У отца было ружьё, у меня – выпрошенная у соседа берданка 32 калибра. Рассредоточились. И вскоре я услышал какие-то непонятные звуки и посвистывания – косачинный ток открывался во всей красе. О том, что это такое, я был, конечно, наслышан, но воочию видел это волшебное действо впервые. Танец любви этих удивительных птиц поразила меня, без преувеличения, в самое сердце. Ах, как красавцы-самцы обхаживали своих ещё более красивых невест! Как самозабвенно и изощрённо выкидывали они свои замысловатые коленца, как пели, утверждая вечное торжество и радость жизни! Какими привлекательными они были в этот момент для своих избранниц! Очевидно, я мог бы ими любоваться долго, до полного рассвета, когда заканчиваются любовные птичьи игры. Я совершенно забыл про ружьё в моих руках... И тут с другой стороны поляны ударили выстрелы, и только что упоённо танцевавшие пары замерли темными кочками на траве. Из леса вышел отец, собрал убитых косачей. Их было больше десятка.

– Что же ты не стрелял? Я специально

тянул время, чтобы ты выстрелил первым! Уснул, что ли?

Я не знал, что ответить, ещё не вполне придя в себя от только что пережитого.

– Сейчас весна, – примирительно и как-то виновато сказал отец. – Нам надо без мяса дотянуть до осени и, помолчав, тихо добавил: – Если жалость к зверью перевешивает, не бери в руки ружьё.»

С годами страсть к охоте не угасла в душе Владимира Степановича, но пришло понимание, что в сердце каждого настоящего охотника парадоксальным образом уживаются азарт, стремление заполучить трофей с нежной любовью к природе, её тонким пониманием. А уроки отца, которые никогда не были многословными и нравоучительными, а чаще всего лишь короткой подсказкой по делу, конкретным замечанием, глубоко западали подростку в душу. Но главной школой отцовского воспитания братьев Новосельцевых было отношение отца к жизни: к семье, к работе.

Детство Владимира Степановича пришлось на войну. Отец, Иван Степанович, братья отца, дядя в первые же недели войны ушли на фронт. И братья Новосельцевы, как и тысячи их сверстников, остались главными помощниками своих матерей. Не будет преувеличением сказать, что дети, пережившие войну, в оккупации ли, в эвакуации, в промёрзших, полуголодных городах или в самых глухих деревнях испытывали не меньшие тяготы, чем их отцы в окопах. Особенно, когда это касалось непосильного труда. То, что в мирное время делали взрослые сильные мужчины, вынуждены были взять на свои не очень крепкие плечи женщины и дети. А если учесть, что матери и старшие ребята работали на предприятиях, в колхозах и совхозах, ковали победу в тылу, то всё, что касалось непосредственно выживания, вся ответственность за это ложилась даже не на подростков, а именно на детей, работников восьми-десяти лет, а нередко и младше. Сегодня в это трудно поверить, но так действительно было.

Во всяком случае, более чем через полвека Владимир Степанович вспоминает: «Заготовкой дров мы занимались с ранней весны, и втроём наготовавливали столько, что хватало на зиму. Эти заготовки запомнились не усталостью (хотя, будучи мальчонкой шести-семи лет, уставал, конечно, смертельно), а ужасными тучами комаров и прочей мошкары, безжалостно пившими нашу кровь, набивавшимися в глаза, в рот

и нос. Даже разведённые рядом дымокуры не помогали».

Владимир Степанович говорит, что дрова заготавливали втроём, имея в виду брата Геннадия, который был старше его на два года, и мать Анастасию Георгиевну. Она не только в их детстве, не только в годину жестоких военных испытаний, но и в течение всей жизни оставалась «душой семьи, её стержнем, цементирующим её сплочённость, и живым воплощением самых высоких моральных качеств. Она обладала удивительно чутким характером – поддерживала всех нас, вносила в существование семьи спокойствие и уверенность. Она делала всё с такой душевной теплотой, сердечной искренностью и добротой, что все беды сами собой отступали...»

Учеба в начальных классах мало чем запомнилась маленькому Володе. Не хватало учебников, не было настоящих тетрадей, писали на чем попало, да и ходили в школу в чем попало, в теплое время иногда и босиком. Все похоже, все типично для деревенской школы в послевоенные годы. Еще долго сельская школа ютилась в непригодных помещениях, часто это бывали просто жилые дома. Утром перед первой сменой зимой еще топилась печь, в классах стоял запах дымка, и чернила в непроливашках оттаивали не сразу. Иногда в керосиновых лампах выгорал керосин, и тогда учителя, чтобы удерживать своих непоседливых питомцев, рассказывали сказки или пересказывали какой-нибудь довоенный кинофильм. Вообще, послевоенная жизнь в сибирских селах мало отличалась от военной. Семье Новосельцевых часто приходилось переезжать с места на место. Этого требовала работа отца.

Однажды в разговоре со мной, когда я спросил Владимира Степановича о детстве, он долго молчал, словно вспоминал, а потом тихо и грустно сказал: «А детства-то у нашего поколения в сегодняшнем понимании не было. С весны заготовка дров, потом сенокос, потом картошка, круглогодично домашний скот. Напоить, накормить... Да мало ли в деревне работы. Начинается уборка, школьники на ток, а кто постарше и в прицепщики, зябь надо поднимать... Но при этом не помню, чтобы я испытывал скуку или уныние. Спать, правда, приходилось мало, потому что после работы еще шли гулять с девчонками. Дружили, провозжались... Читали ли книги? Не

помню. Не в каждой деревне, где мы жили, была библиотека. Книги – это потом я стал действительно завзятым книголюбом, а тогда не увлекался...»

Отец, как положено коммунисту, каждый год выписывал «Правду», которую я с упоением читал «от корки до корки». Был у нас радиоприемник «Родина» на батареях. Его я слушал чуть ли не постоянно, причем, не знаю почему, но ловил я в эфире в основном политические программы, рассказывающие о тех или иных событиях в мире. Учился я тогда в восьмом классе и не все, естественно, понимал, но со временем все как-то устоялось и стало основой моего интереса и понимания. Причем в основном к международной политике.

Парадокс: наши люди внешней информации получали гораздо больше, и она была более подробной и качественной, чем внутренняя. Каждое событие получало четкую и очень недвусмысленную оценку. Я часто сам удивляюсь, как это вдруг деревенский парнишка понял, что общественная деятельность, политика – есть мое настоящее призвание. Но так случилось, и это проявилось очень рано...»

Школу В. С. Новосельцев закончил в 1955 году, а поступил на экономико-юридический факультет Томского университета два года спустя. Это был осознанный выбор. Но тогда были особые времена, поступали в высшие учебные заведения только самые способные и самые упорные. Лохматая рука, взятка – их не было не только в жизни, но и в лексиконе. Отбор студентов был жесткий и бескомпромиссный, а конкурсы огромные. Вне конкурса принимали лишь отслуживших в армии и тех, кто отработал на производстве два года. Определив свой жизненный путь, Владимир Степанович решил действовать наверняка. Он поступил после школы на Омский комбайно-сборочный завод контролером готовой продукции и за два года не только отлично освоил специальность, но и основательно подготовился к поступлению в университет, проработав горы политической литературы.

Его выбрали комсоргом цеха. Видимо, было в этом неугомонном, приветливом парне такое, что привлекало к нему людей.

В университете В. С. Новосельцев с головой ушел в общественную работу. На факультете учились ребята и постарше – в те годы многие поступали после армии, были и те, кто навёрстывал упущенное в

войну время. Но и они дружно голосовали за него, когда избирали секретарем комсомольской организации факультета.

На третьем курсе он был избран секретарем комитета комсомола университета, членом ученого совета.

Владимир Степанович считает, что ему очень повезло, что он окончил Томский университет – старейший вуз в Сибири.

Тогда на факультете читали лекции замечательные преподаватели Ю. Л. Ременсон, А. И. Ким, А. С. Щеглов. Владимиру Степановичу приходилось тесно общаться со многими известными учеными, входившими в руководство университета. К своей alma-mater Владимир Степанович всегда испытывает теплые благодарные чувства.

Иногда ловишь себя на мысли, а помнишь ли сам свою школу, свой институт, который закончил не один десяток лет тому назад. Увы, ответ на этот вопрос получается не очень определенным. Комсомольского вожака выпуска 1962 года в ТГУ помнят. Он как почётный гость получил приглашение на 400-летний юбилей Томска и был счастлив, что сорок лет спустя ему удалось, по его словам, хоть как-то отблагодарить своих преподавателей за все, что они для него сделали. На предновогоднем собрании Томского землячества в Москве он вручил ректору университета, доктору физико-математических наук, заслуженному деятелю науки Российской Федерации Г. В. Майеру подарок для научной библиотеки ТГУ – десяти томник Оксфордской иллюстрированной энциклопедии, выпущенной на русском языке.

Но все это произойдет потом. Юность живет в своих духовных координатах, намечает свои точки отсчета, по-иному оценивает важность событий. Владимир Степанович в книге «На переломе эпох» пишет, что самым ярким воспоминанием тех лет «остается ликование томского студенчества, когда объявили о полете в космос Юрия Гагарина. Мы были ошеломлены, прямо на наших глазах начиналась новая история человечества! Таких проявлений радости за наши успехи в космосе, гордости за нашу Родину я в дальнейшем не встречал никогда».

Случилось у Владимира Степановича еще одно событие, совсем не шумное, но для его участников не менее важное. Он объяснился в любви своей будущей жене, Вере Пуряевой, самой красивой девушке мехмата.

После окончания университета Влади-

мир Степанович был направлен в Омск. С устройством на работу трудностей не возникло. Выпускник ведущего сибирского университета не мог не попасть в поле зрения комсомольских и партийных кадровиков. Результатом стало назначение заведующим организационным отделом обкома ВЛКСМ.

Время было тревожное, противоречивое. Бесконечно тасовались кадры профессионалов-управленцев, ломались судьбы множества талантливых специалистов. Подъем огромных массивов целинных и залежных земель привел к гибели плодородных почв на миллионах гектаров пашни. Повсеместное насаждение, вплоть до Приполярья, кукурузы... Ликвидация личных подворий, при этом огромное количество собранных в общественное стадо животных погибло, для них не было ни необходимых помещений, ни кормовой базы. Все эти непродуманные нововведения еще дадут о себе знать. Но уже и тогда было немало людей, которые понимали, куда могут привести подобного рода реформы.

В 1965 году В. С. Новосельцев был приглашен на работу в лекторскую группу обкома КПСС. Лекторская работа сродни преподавательской, только ответственность несравненно выше. Говорить приходилось со взрослыми, умудренными опытом людьми, которые тонко чувствуют фальшь и неправду.

Слушатели приходили на лекции очень заинтересованными и информированными, могли задать любой самый неожиданный вопрос. Готовиться к лекциям приходилось основательно, касалось ли это внутренней или внешней политики. Чтобы расширить зрительскую аудиторию, решено было организовать телевизионный «круглый стол» и проводить его дважды в месяц. Работать в прямом эфире было непросто, но интересно. Кроме того, лекторская работа давала живой материал для кандидатской диссертации, которую он готовил, учась в аспирантуре Московского финансового института. Приглашение в Обком партии на беседу с первым секретарем Сергеем Иосифовичем Манякиным было для В. С. Новосельцева полной неожиданностью. Еще большей неожиданностью стало предложение стать его помощником.

Позднее он так вспоминал об этом: «Откровенно скажу, что такие нагрузки можно было выдержать только в молодости, и то лишь при условии полного доверия... Когда я начал работать помощником

первого лица области, мне не было и тридцати. Сейчас, с высоты своих лет, я благодарен судьбе, которая так неожиданно довольно близко свела меня с безусловно выдающимся человеком, каким является С. И. Манякин».

Для Владимира Степановича эти четыре года стали профессиональной школой, опытом, который в дальнейшем при самых крутых поворотах судьбы позволял ему принимать правильное решение.

Однажды я спросил у Владимира Степановича, какую черту характера он определил бы как главную для партийного руководителя. Он на минуту задумался, а потом твердо ответил: «Главное – оставаться человеком. При любых обстоятельствах».

А «обстоятельств» в его судьбе было достаточно. И хороших, вдохновляющих, когда все получалось и хотелось всего себя отдавать работе, и драматических, не только для Владимира Степановича, но и для всей страны, когда в одночасье не стало Советского Союза.

Но пока этого не случилось, люди жили другими заботами. Вся страна была большой стройкой, в которой каждому было место. Как сказал поэт, «мы жили любовью, мечтой и надеждой».

В. С. Новосельцев избирается первым секретарем нового района. Ему 36 лет, это была его первая самостоятельная работа. Объем её был огромен, ответственность колоссальная. Привожу небольшую справку, что это был за район, в котором Владимиру Степановичу пришлось отвечать за всех и за все. Территория 2200 гектаров. Население 150 тысяч человек. 18 промышленных предприятий с суммарным объемом производства 270 миллионов рублей. Более 25 тысяч рабочих и служащих. Четыре вуза, в которых обучались 14 тысяч студентов. Ряд крупных научно-исследовательских институтов – СибНИИСХоз, Институт природно-очаговых инфекций, филиал Всесоюзного НИИ молочной промышленности. Шесть техникумов, 19 общеобразовательных школ и 35 детских садов. 7600 коммунистов и 26,5 тысяч комсомольцев.

Вот как об этом вспоминает сам Владимир Степанович: «Работы было столько, что приходилось работать без выходных. Я, например, раньше девяти, половины десятого домой не появлялся. В воскресенье и праздники то же самое. Помню, как-то раз приехал в семь – дома спрашивают, у тебя

что, сегодня выходной? В таком же режиме работали другие руководители района. Всегда так бывает у человека: где-то ему лучше, где-то хуже; какой-то период вспоминает с удовольствием, какой-то со стыдом и раздражением, а что-то и вовсе забывается, как и не было. Могу сказать определенно: самые счастливые мои годы – это те, что я проработал первым секретарем Первомайского райкома партии».

Особенность организаторской работы состоит в том, что виден только конечный результат, а все усилия остаются как бы за кадром. Но это понятно, когда ты строишь новое здание, прокладываешь дорогу или возводишь мост, например, через реку. Здесь начало и конец работы определяются точно. Работа же организатора сложна своей универсальностью и поэтому драматична, как сама жизнь. Где и когда она заканчивается, каков её настоящий результат – определить не всегда возможно.

Своеобразие партийной работы состояло в том, что решение о кадровых переменах принималось конфиденциально. И кандидата зачастую ставили в известность в последний момент. Так было в очередной раз и с В. С. Новосельцевым. На обдумывание его перехода в горком партии ему дали один час. И это был час грустных размышлений.

Каких трудов стоило запустить и как следует отладить сложнейший механизм управления многогранной жизнью района! Ведь его населяли около 150 тысяч человек. Европейский город! Было жалко бросать успешно начатое дело. Но существовала партийная дисциплина...

Владимира Степановича избрали секретарем по идеологическим вопросам. Предстояла не только другая, но и во многом новая для него работа. Начиная её, он не предполагал, что будет возглавлять идеологическую политику партии в городе, а потом и в области почти восемь лет.

Была разработана обширная идеологическая программа, включавшая в себя много направлений. Главную цель этой программы можно сформулировать в одном предложении: делать все для блага омичей, чтобы они, и особенно молодое поколение, были образованными и здоровыми, овладевали профессиями, хорошо зарабатывали, имели жилье и возможность культурно отдыхать.

Мне показалось, что такая формулировка для главного идеолога области может быть несколько суховата. Я сказал об

этом Владимиру Степановичу, когда мы с ним беседовали об этом периоде его работы.

«Может быть, – охотно согласился он. – Можно и попроще: человеку надо создать все условия, чтобы он мог жить по-человечески. Вот и вся идеология. А если её расшифровывать по направлениям, то одной вашей статьи будет маловато.

Попробую все же в качестве примеров привести несколько главных направлений. В первую очередь, конечно, культура. Хороший спектакль может стоить десятка тоже неплохих лекций. Хорошая книга, картинная галерея, музей, музыка, спорт, особенно массовый. Но вернемся к культуре. Так случилось, что начало моей работы на новом месте совпало с летними гастролями театра им Е. Вахтангова. К гастролем вахтанговцев готовился весь город. Омск с нетерпением ждал их не только потому, что этот театр один из лучших в стране, но и потому, что судьба этого коллектива прочно связана с историей нашего города и Великой отечественной войной.

Естественно, что главная нагрузка по организации гастролей легла на меня и моих помощников. Это было хлопотное и ответственное дело, но сейчас вспоминается не это, а то замечательное впечатление, скажу больше, глубокое эмоциональное потрясение, которое произвели на меня спектакли вахтанговцев. Никогда до этого омский зритель не видел на одной сцене такого количества народных артистов СССР! Михаил Ульянов, Юлия Борисова, Николай Гриценко, Юрий Яковлев, Василий Лановой... На гастрольных спектаклях побывали 75 тысяч омичей. Это не считая встреч со зрителями и пресс-конференций.

Важным направлением в моей работе был постоянный контакт с творческой интеллигенцией: с учеными, писателями, журналистами, музыкантами, артистами. А их в общей сложности было около двух тысяч. Особая специфика этой работы заключается в том, что ни писатели, ни артисты, ни все остальные творческие деятели не нуждаются ни в каком руководстве, в том числе и партийном. И задача партийных работников состояла в том, чтобы помочь неповторимым талантам раскрыться. Поддерживать и защищать, как правило, ранимую натуру художника от бытовой неустроенности, от завистников и злопыхателей и в особенности от чиновничьего невежества и несправедливости.

Расскажу для примера о некоторых деятелях культуры, с которыми тесно приходилось общаться. Взять хотя бы омских писателей. В составе писательской организации их насчитывалось двадцать. Многие из них были известны в стране. Тимофей Белозеров, замечательный детский поэт, на его книгах воспитывалось несколько поколений детворы, книги его выходили огромными тиражами. Известный очеркист Петр Ребрин, Иван Федорович Петров – я не встречал более знающего человека, особенно по судьбам исторических личностей России. Он проехал всю Сибирь и Дальний Восток, обнаружил и описал 163 памятника, каждый из которых – свидетельство какой-то странички героической истории Сибири. Его книга «В камне и бронзе» и есть история нашего края.

Известный драматург Николай Анкилов, фронтовик, провоевавший с первого до последнего дня войны. Постановка Омским драмтеатром его пьесы «Солдатская вдова» была удостоена Государственной премии РСФСР им К. С. Станиславского. Пьесу поставили более 100 театров у нас и за рубежом...»

Наша беседа с Владимиром Степановичем продолжалась несколько часов, я истратил запас диктофонных кассет и взялся за блокнот. Я не переставал удивляться прекрасной памяти своего собеседника, он в подробностях помнил не только сами события, в которых так или иначе принимал участие и которых за многие годы работы на разных участках накопилось огромное количество, но и фамилии тех людей, с кем его сталкивала жизнь... Было жаль, что многое из его подробных рассказов пришлось передавать конспективно. Терялись живые подробности. Но с другой стороны, вместить в один очерк целую жизнь человека с такой богатой и непростой судьбой было невозможно. И я старался хотя бы кратко обозначить тему.

В то время обстоятельно рассматривались вопросы совершенствования научных исследований на собрании областного партийного актива в 1978 году. В работе принимали активное участие и выступили Г. И. Марчук – председатель Сибирского отделения Академии наук СССР, академики А. А. Трофимук, Д. К. Беляев, А. Г. Аганбегян, В. А. Коптюг. Ученых волновали проблемы развития нефтехимического комплекса и охраны окружающей среды. В Омске был создан крупнейший в Сиби-

ри центр нефтепереработки и нефтехимии. Область волновала проблема использования водных ресурсов Иртыша, а страну – проблема поворота сибирских рек. Обсуждение этих проблем было острым и буквально всенародным. Такое беспокойство национального сознания никак не соответствовало застою. Настоящий застой грянул после объявления лукавого лозунга об ускорении и перестройке. Именно тогда страна потеряла ориентиры и стала заложницей алчной и некомпетентной верхушки.

Но до начала «катастрофы» оставалось еще почти десять лет, и страна продолжала жить в прежнем режиме.

В. С. Новосельцев как секретарь обкома по идеологии принимал активное участие в научных дискуссиях, в составе партийных делегаций выезжал в Венгрию. Пештская и Омская области долгие годы были побратимами, и в культурной сфере общение было весьма продуктивным, проходили и гастролы художественных коллективов, и обменные выставки, и товарищеские соревнования спортсменов... Сейчас о былом побратимстве не может быть и речи.

Рабочие поездки в Румынию, а затем в Бельгию стали для Владимира Степановича своеобразной репетицией и одновременно смотрами для подготовки его к новой роли. Речь шла о переходе его на дипломатическую работу.

«С одной стороны, предложение было заманчивым, международная политика привлекала меня с юных лет, – рассказывал Владимир Степанович, – с другой... Мне состоявшемуся, в общем, человеку, успешно (что скрывать) поднимающемуся по служебной лестнице – вдруг бросить все, заняться делом, которого не знаю? Начать все заново? Как-то я поделился своими сомнениями с Владимиром Валентиновичем Загладиным, дипломатическую службу он знал до тонкостей. По его мнению, начинать дипломатическую карьеру в 46 лет, пусть даже с довольно высокого уровня, – дело малоперспективное. Я принял окончательное решение – отказаться.

Вскоре меня попросили позвонить заместителю заведующего Орготделом ЦК. Мне было сообщено, что состоялось решение Секретариата ЦК о моем направлении на учебу в Дипакадемию. Мой отказ во внимание принят не был.»

Учебная программа в академии для слушателей спецгруппы, в которую входили

шесть бывших секретарей обкомов и работников ЦК, была рассчитана на два года с учетом имевшихся у них знаний, три месяца отводилось для дипломатической практики. Владимир Степанович проходил её в посольстве СССР в Вашингтоне. В то время посольство уже двадцать лет возглавлял легендарный А. Ф. Добрынин, один из самых опытных и талантливых советских дипломатов.

В сферу внимания практиканта Новосельцева входило изучение деятельности средств массовой информации. Интересной информации было много. Например, сообщалось: опрос общественного мнения, проведенный «Нью-Йорк таймс», показал, что половина его участников не знала, что в годы Второй мировой войны СССР и США совместно сражались против фашизма, а 28% считали, что эти страны воевали друг против друга.

После возвращения из Вашингтона – снова напряженные занятия. В июне 1986 года В. С. Новосельцев получил диплом об окончании Дипломатической Академии МИД СССР и дал согласие на командировку в Африку – Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Сьерра-Леоне.

Африка в сознании большинства русских людей остается по-прежнему непонятным, загадочным, экзотическим континентом. Я попросил Владимира Степановича поподробнее рассказать об Африке, и в частности о Сьерра-Леоне.

– Это очень обширная тема, – сказал В. С. Новосельцев. – Африка – это космос, а любая африканская страна, в том числе и Сьерра-Леоне, – это галактика. В своей книге «На переломе эпох» я посвятил своей работе в Сьерра-Леоне одиннадцать глав. Но думаю, что они не только не исчерпали непростой проблематики, но лишь добавили новых вопросов. Вообще, лучше не ставить задачи объять необъятное. Целесообразнее хотя бы в общих чертах поговорить о главном в работе посольства – внешнеполитической деятельности. Главной для себя задачей я определил разработку концепции отношений со странами тропической Африки, в том числе со Сьерра-Леоне. Подобной концепции, да и желания её разрабатывать, у центра не было. В начале 1988 года эта большая работа была в основном завершена. С гордостью и благодарностью хочу назвать имена соавторов концепции: советники Посольства А. И. Филипенко, Г. С. Райский, Е. Б. Еса-

ков, Ю. Г. Бандровский, первый секретарь С. В. Печерников, дипломаты: И. Н. Громов, К. Ю. Алексеев, А. Ф. Дороговцев.

А каков же был итог наших усилий? Министр написал хорошую резолюцию, члены политбюро и секретари ЦК благосклонно ознакомились с нашими предложениями, на этом все и закончилось. И так, к сожалению, бывало неоднократно.

Уже после года работы я понял, что перестройка во внешней политике идет в одном направлении – западном. Все остальное не считалось приоритетным, по сути дела, из государственных интересов Советского Союза выпадали целые континенты. С каждым сообщением из Москвы, с каждой шифровкой это становилось все более ясным. У меня и у работников посольства это, естественно, не вызывало оптимизма. Но я старался трезво без эмоций и радостных надежд воспринимать задуманную перестройку. У меня сохранились в памяти тексты моих телеграмм в Центр, содержащих действительно резкие оценки, шедшие, как я понимаю, совершенно не в русле мидовских воззрений.

Я призывал воздерживаться от опрометчивых решений в сфере внешнеэкономического сотрудничества. Назвать на весь мир наших должников, в том числе и за военные поставки. Те сотни миллиардов рублей, которые в большей части выброшены «на ветер», могли бы накормить, одеть и обуять нашу державу, поднять её авторитет во всем мире. Я писал об этом в конце 80-х годов и указывал, что истоки дефицита и низкого уровня жизни наших людей следует искать в коллизиях не только внутренней политики, но и внешней.»

На душе у Владимира Степановича было тяжело. Но где-то в глубине даже не сознания, а подсознания, теплилась надежда, что вот, вернется он в Москву, увидит все своими глазами, и все окажется не так безнадежно и трагично. Но оказалось даже хуже, чем он мог представить. Вот как он рассказывает о своих первых впечатлениях: «Удивления начались сразу после выезда из Шереметьева-2: дорога местами была не очищена от снега и повсюду выбоины. Я спросил мидовского водителя, в чем причина? «Вы еще не то увидите!» – ответил водитель. И действительно, в столице я обнаружил огромное скопище бомжей, уличных попрошаек и проституток. Повсюду шла торговля с рук, город превратился в громадную барахолку. Взгляды большин-

ства москвичей были отрешенными или угрюмо-злыми».

В. С. Новосельцев вернулся еще в ту же страну, из которой он уезжал Чрезвычайным и Полномочным послом. Еще министр иностранных дел уходит в отставку, опасаясь ответственности за содеянное. Еще министром иностранных дел СССР назначается А. А. Бесмертных, талантливый и опытный, карьерный дипломат. Еще существует КПСС, хотя в 1988 году уже срочно принят новый закон, который предусматривал полную передачу Советам управленческих функций. Из КПСС уже поступают категорические указания не вмешиваться в выборы Верховного Совета. Уже в ходе I Съезда народных депутатов была сформирована межрегиональная депутатская группа, уже омский депутат А. Казанник уступает свое место в Верховном Совете Б. Ельцину. Но все это лишь начало... Ещё не произошел странный путч, еще многое не произошло, но непременно должно было произойти. Ружьё истории уже повисло над страной, и оно должно выстрелить. СССР был обречен.

Историю человечества не удивишь мировыми трагедиями. Удивительно другое: почему для космического действия судьба выбирает таких бездарных актеров? Оставим этот вопрос без ответа. Хотя многие действующие лица исчезли из истории еще до конца жестокой пьесы.

Кульминация национальной трагедии произошла по злой иронии истории в одном из красивейших мест не только Белоруссии, но и мира. Это событие буквально потрясло мировое сообщество. Три руководителя славянских республик ликвидировали страну под названием Советский Союз.

Было ли это заранее спланированной акцией? Сегодня, к сожалению, это может представлять только исторический интерес. Вот что сказал об этом в интервью газете «Бульвар» Г. Бурбулис, как и многие его демократические подельники ушедший в историческое небытие:

– А вы не опасались, что можете не долететь до Беловежья? Вдруг бы Горбачев привел в действие армию?

– Мы последовательно переговорили с Шапошниковым (министром обороны СССР), потом с Бушем и, наконец, с Горбачевым...

Комментарии, как говорится, излишни. До сих пор среди историков и политологов

есть разные мнения о том, кто же стоял за самой идеей сговора в Вискулях.

Невольно задаешься вопросом, как могло случиться, что в развале мировой державы главную роль сыграли исторические статисты? Вопрос остается открытым.

«В конце декабря 1991 года все работники МИД СССР были выведены за штат. Судьбу не одной тысячи дипломатов решали двое: А. Козырев и Г. Кунадзе. Откровенно говоря, я не надеялся остаться, зная исключительно отрицательное отношение нового руководства к бывшим партийным работникам. Но неожиданно меня вызвал директор недавно созданного Департамента по административным вопросам А. И. Смирнов и предложил возглавить Управление политической безопасности МИДа. Я дал согласие.

Функции у нового управления были широкими, ответственность высочайшая, так что работы более чем 120 моим сотрудникам хватало с избытком. По многим вопросам мы практически ежедневно взаимодействовали с представителями Федеральной службы безопасности и Службы внешней разведки.

В то время шли сообщения из наших посольств о многочисленных случаях устройства на работу в стране пребывания тех дипломатов, срок командировки которых подошел к концу. Только в период 1991 – 1993 годов в США добровольно остались 15 мидовцев. Бывшие дипломаты (в рангах советников и ниже) загодя скрытно договаривались о своем трудоустройстве в различных фирмах. Понятно, они, будучи секретносителями, вызывали особый интерес сотрудников ФБР и ЦРУ. Через короткое время некоторые из них пошли на открытое предательство интересов России.

В этой связи примечательна публикация известного журналиста газеты «Московский комсомолец», Александра Хинштейна под заголовком – «Кроты» бегут с корабля». В ней рассказана сенсационная история бегства с семьей в январе 2001 года в США дипломата высокого ранга Владислава Потапова. Несколько лет он работал заведующим отделом двусторонних отношений с США, в 1995 – 1998 годах был помощником российского посла в Вашингтоне, а до этого возглавлял секретариат министра иностранных дел Козырева. А. Хинштейн приводит запись беседы с первым председателем Российского КГБ В. Иваненко.

– В 1991 году мы завели несколько разработок по шпионажу, – вспоминал Иваненко, – одна из них касалась сотрудника МИДа, которого мы уличили в связях с американской разведкой. Когда материалов было собрано достаточно и сомнений в его измене больше не оставалось, я пошел к министру – тогда им был Козырев, предупредил. «Огромное спасибо, – ответил Козырев. – Я обязательно приму меры».

– И принял? – я спросил это скорее для проформы.

– Принял... – Иваненко усмехнулся. – Через месяц повысил этого человека в должности... Сделать я уже ничего не мог: вскоре президент уволил меня самого...

Иваненко убрали в декабре 1991-го. Примерно в то же время Потапов и возглавил секретариат министра Козырева. Служебное положение Потапова позволяло быть в курсе всех внешнеполитических операций МИДа. Он имел доступ к секретам первой величины. Без труда мог «расшифровать» всех без исключения сотрудников внешней и военных разведок, работавших под дипломатическими крышами. Несколько лет под боком у министра работал иностранный агент, равных которому страна еще не знала.

По распоряжению министра в мидовском помещении на Воздвиженке в начале 1995 года была создана коммерческая структура – советско-американское совместное предприятие. Так называемому гуманитарному фонду «Надежда» было выделено несколько комнат, новейшая оргтехника. Непосредственно Козырев давал указания управляющему делами министерства. Мне сообщили о том, что на Воздвиженке работают американцы. Естественно, я направил туда своих сотрудников. Все подтвердилось. Руководила коммерческой организацией с участием американских граждан первая жена Козырева – Ирина. Представьте себе ситуацию, что вдруг в госдепартаменте США была обнаружена действующая коммерческая структура с участием российских граждан. Думаю, что этим занялся бы не только президент, но и конгресс, не говоря уже о ФБР и ЦРУ. В таких условиях я не мог доверять ни Козыреву, ни Ельцину и принял решение перейти на другую работу. В июне 1996 года я сдержал свое слово и ушел из МИДа в Конгресс российских профсоюзов».

Но вскоре Владимир Степанович почувствовал, что все, связанное с Омском, с его юностью, с напряженной творческой работой, которая приносила не только волнение и усталость, но и радость созидания, – все это продолжало волновать его, жить в его душе.

Сибирь не отпускала его. Сформировав особые характеры, Сибирь невидимыми нитями притягивает к себе и держит людей, которые с гордостью называют себя земляками.

У Владимира Степановича остались верные друзья, которые появляются только в молодые годы и остаются с тобой навсегда. Со многими из них он был знаком еще по Омску. В подавляющем большинстве своем это были незаурядные личности. Они и на родине были на виду, и в Москве не затерялись.

Мысль о том, что надо всем объединиться, возникла у Владимира Степановича как озарение. А так как он все задуманное привык доводить до конца, в апреле 1995 года родилось Омское землячество. Президентом его единогласно был избран Сергей Иосифович Манякин. Вице-президентом стал Владимир Степанович Новосельцев. Новая общественная обязанность прибавила ему немало забот, но уж таковы его сибирский характер и привычка работать в полную силу. За короткое время из 800 – 900 живущих сегодня в Москве омичей более 400 человек стали членами Омского землячества. Главной целью землячества, помимо естественного желания общения, как-то сама собой стала задача помогать своей малой родине. Форму этой помощи каждый может выбрать по своему желанию и своим возможностям.

Зная, как много времени Владимир Степанович отдает научной и преподавательской работе, он является доцентом Российского государственного торгово-экономического университета, преподает политологию и читает специальный курс «Эко-

номика и политика в современном мире», я спросил его, где он находит время, чтобы все успевать? Он ответил шуткой: «Счастливые часов не наблюдают». Но помедлив, вполне серьезно добавил: «С годами все больше убеждаюсь, что родная земля или, как мы часто сейчас говорим, «малая родина» имеет исключительно притягательную силу, какую-то космическую субстанцию, которая духовно объединяет людей, сближает их, она как бы дает им второе дыхание, увеличивает жизненную силу».

Здесь можно было бы закончить рассказ об этом незаурядном, предельно честном, беспокойном человеке, наделенном большим и сильным патриотическим чувством, если бы в последний момент мне в руки не попала его последняя книга.

Это был глубокий и бесстрашный научный труд. Называется книга «Национальные интересы России». Она требует внимательного прочтения и заинтересованного анализа. Ограничусь цитатой из рецензии М. Сильвановича на книгу В. Новосельцева. Рецензия имеет красноречивый заголовок «Силой правды».

«Автор знакомит читателя с различными моделями социальной политики зарубежных стран, в них рыночная составляющая в отношениях производства и всей жизни социума сформировала позицию государства как регулятора социального климата. У нас же, напротив, модели рыночных отношений, позаимствованные у Запада и США, подминают под себя все стороны жизни общества. Дикая по своей природе тяга рынка к извлечению чистогана губительно проникла в сферу жилищно-коммунального хозяйства, строительства жилья, образования, здравоохранения, культуры. Везде наблюдается одна картина – государство, умывая руки, уходит из этих сфер жизнедеятельности, принимая законы типа пресловутого 122-го (о монетизации льгот), все дальше уводит страну от положений Седьмой статьи Конституции России, провозглашающей наше государство как социальное».